

УДК 82

РОМАН-ЕВАНГЕЛИЕ Ё. ТУНСТРЁМА «ПОСЛАНИЕ ИЗ ПУСТЫНИ»

© 2016 г.

Д.В. Кобленкова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

dvmk@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.10.2015

Рассматривается шведский религиозно-этический роман Ёрана Тунстрёма «Послание из пустыни», который построен в жанре романа-Евангелия и посвящён детству Иисуса Христа. Автор отступает от канонического описания богочеловеческой природы Иисуса, раскрывает его человеческую сущность. Мистический план уступает в романе место психологической рефлексии, главным предназначением человека видится «чудо» простой любви. Делается вывод о том, что для шведского писателя Бог мыслится не вне человека, а в его внутреннем духовном мире, поиск Бога символизирует путь человека к самому себе. Главным испытанием Христа-человека становится бездействие, которое трактуется как этический компромисс в контексте истории шведского общества, опыта нейтралитета Швеции в период Второй мировой войны.

Ключевые слова: шведский роман, этика, роман-Евангелие, сюжет становления, богоискательство, десакрализация, политика нейтралитета.

Наряду с историософскими произведениями, затрагивающими вопрос этического выбора в социальной и политической жизни, особое место занимают в Швеции произведения религиозной направленности. У произведений этого типа гораздо более древняя история, в её основе лежат жанры христианской литературы, среди которых значительное место занимают легенды, притчи, жития святых.

Среди наиболее показательных шведских произведений 1970-х годов XX века можно назвать роман Ёрана Тунстрёма (*Göran Tunström, 1937–2000*) «Послание из пустыни» (*Ökenbrevet, 1978*) [1]. Мировая известность придёт к Тунстрёму позже, после выхода книг «Рождественская оратория» (1983)¹ и «Сияние» (1996), но этот роман выделен нами не случайно. Прежде всего, это один из наиболее показательных текстов, демонстрирующих уход писателей от социально-политических дебатов 1960-х годов XX века в сторону глубокой философско-этической рефлексии над сущностью человеческих поступков. 1970-е годы XX столетия почти во всех странах, переживших период леворадикальной активности, стали десятилетием подведения итогов, периодом расцвета интеллектуальной прозы, апеллирующей не только к художественным произведениям других эпох, но и к Священному Писанию. В случае романа Тунстрёма речь идёт не просто о создании метаромана: текст интересен тем, что в жанровом отношении его с полным правом можно назвать художественным Евангелием, поскольку он повествует о жизни Иисуса Христа.

Согласно современной точке зрения, все тексты, от канонических и апокрифических до художественных, излагающие жизнеописание Иисуса, являются Евангелиями: Евангелие («благая весть») – «жизнеописание Иисуса Христа; книга или собрание книг, в каждой из которых рассказывается о божественной природе Христа, о рождении, жизни, чудесах, смерти, воскресении и вознесении» [2]; «повествование о воплощении, земной жизни, спасительных страданиях, крестной смерти и воскресении Иисуса Христа» [3, с. 585]. Среди Евангелий выделяют четыре канонических, неканонические (апокрифические) и Евангелия как жанр художественной литературы [4].

Уже среди неканонических Евангелий есть тексты, повествующие о детстве Иисуса: «Евангелие детства от Фомы» [5], вторая часть «Евангелия Псевдо-Матфея» [6] и «Арабское Евангелие детства Спасителя» [7]. По отношению к неканоническим повествованиям, называемым апокрифами, в том числе «Евангелиям детства», высказывались разные мнения, в том числе и негативные: «Апокрифы – это те книги, которые по своему заглавию или тону выдают себя за творения боговдохновенных писателей, не имея права на то» [8]. Но апокрифы по-прежнему представляют научный и художественный интерес, являясь источником большого числа авторских вариаций.

Помимо апокрифических, было издано значительное количество художественных Евангелий. Среди них: «Евангелие от Иуды» Г. Панаса (1973), «Евангелие от митьков» (с подзаголов-

ком «житие великого митька Иисуса по кликухе Христос и о том, как он тащился, и как его замочили враги», 1990), «Евангелие от палача» (1991) братьев Вайнеров, «Евангелие от Иисуса» (1997) Жозе Сарاماго, «Агнец. Евангелие от Шмяка, друга детства Иисуса Христа» (2002) Кристофера Мура, «Евангелие от Пилата» (2004) Э.Э. Шмитта и другие. Эти тексты попадают в обобщающие энциклопедические статьи по причине использования в самом названии термина «Евангелие». Но есть романы, в которых сохраняется принцип евангелического повествования о жизни Христа без такого претенциозного заголовка. Роман Ёрана Тунстрёма из их числа. Он построен как рассказ о детстве Иисуса, т.е. как «Евангелие детства», и написан от лица самого Христа, т.е. как «Евангелие от Иисуса». Таким образом, роман Тунстрёма – это художественное «Евангелие детства от Иисуса».

Можно назвать несколько причин обращения писателей к образу Христа. Одной из них является стремление автора пережить ещё раз личный духовный опыт, связанный с прочтением Нового Завета, высказать в художественной форме свою лирическую рефлексю (De profundis О. Уайльда, «Студент» А.П. Чехова, «Сад» Д. Джармена). Другой причиной является стремление соотнести вечную историю о добре и зле с современностью, сделать её универсальным фоном политико-идеологических проблем настоящего («Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, «Варавва» П. Лагерквиста, «Евангелие от Матфея» П.П. Пазолини, «Иисус Христос – суперзвезда» Т. Райса). К этой группе можно отнести тексты и фильмы, в которых обращение к евангельской истории задано на метауровне, опосредовано («Идиот» Ф.М. Достоевского, «Девяносто третий год» В. Гюго, «Овод» Э.Л. Войнич, «Сашка Христос» И. Бабеля). Третья причина обращения к образу Христа связана с намерением дать яркую иллюстрацию событий, изложенных в Евангелиях, домыслить философские и этические контексты («Иуда Искариот» Л. Андреева, «Вечный человек» Д. Сэйерс, «Сорок дней в пустыне» Е. Александерсон, «Каспар, Мельхиор и Бальтазар» М. Турнье, «Сила и слава» Г. Грина, «Сладкие весенние баккуроты» Ю. Вяземского). К этой группе можно отнести масштабные литературные и киноиллюстрации, созданные в жанре «пеплум» («Камо грядеши» Г. Сенкевича, «Последнее искушение Христа» М. Скорсезе) [9]. К третьей группе мы относим и роман Ё. Тунстрёма.

В постмодернистскую эпоху Христос превратился в «медийную» фигуру. Обыгрывание

культового образа в новых контекстах позволяло переосмыслить христианские ценности, ввести идеальный образ богочеловека в ризоматическую культуру безыдейного времени («Код да Винчи» Д. Брауна, «Христос: Господь из Египта» Э. Райс). В тех случаях когда автор следует за композиционной схемой Евангелий, структура текста определяется наличием нескольких элементов: «проповедь добра, предательство, одиночество Учителя, неправый политико-идеологический суд, ярость толпы, жертва во имя истины, победа идеи над смертью» [10; 11]. Но в Евангелиях детства этих элементов ещё нет, и задача евангелистов состоит в другом – в изображении становления Христа как личности. Понимание мотивации его поступков у авторов может быть различным, так как притягательность темы во многом определяется отсутствием сведений об этом периоде жизни Спасителя. Следовательно, эта часть биографии Христа остаётся «свободной» для интерпретации. К тому же, как говорил Бенедикт XVI, ценность Евангелия со временем была сведена до восприятия его в качестве «гуманитарно-нравственного послания», соответственно художественная работа с евангелической формой каждый раз превращается в обращение к человечеству с размышлениями о ходе истории и об этическом выборе, на который люди оказываются способны или, наоборот, не способны в силу своей человеческой природы.

К такому сложному жанру – Евангелию детства Иисуса Христа – в 1978 году обратился и Ё. Тунстрём. История Иисуса в его романе начинается словами: «Я в пустыне» [12, с. 5], т.е. повествование начинается с момента ожидания Христом своего предназначения². Но для Тунстрёма этот период жизни Христа является лишь обрамлением, создающим кольцевую композицию. Главный интерес писателя связан с воспоминаниями Христа о его детстве и юности, когда он не чувствовал себя Мессией. Почти во всех неканонических Евангелиях детства Христос показан иначе. Евангелисты стараются доказать, что Иисус с самого рождения обладал сверхъестественными способностями, что его природа была прежде всего божественная и в меньшей степени человеческая. Тексты апокрифических Евангелий содержат указания и на его негативные поступки, например, наказание смертью обидевшего его мальчика. В других апокрифах эти варианты смягчаются: смерть обидчика наступает по Высшей воле, а Христос, простив ребёнка, возвращает его к жизни. Отличия, главным образом, заключаются в том, в какой степени Христом-ребёнком владели детские обиды и как часто он мог использовать свою божественную силу во зло.

Ё. Тунстрём создаёт совсем иную историю. Для него основная цель заключается в обратном – показать человеческую природу Христа: его сомнения, страхи, желание преодолеть их. Разница между Иисусом и обычными людьми не очевидна. Христос говорит в романе о том, что ходили какие-то неясные слухи о его рождении, Мария спустя много лет обмолвилась, что накануне его рождения ей явился ангел, а после рождения у неё родился необычный ребёнок, поэтому богатые купцы приходили поздравить её и взглянуть на младенца. Ей же всё это мешало, она не понимала причины происходящего и страдала. Пока ребёнок рос, она боялась прикоснуться к нему, держалась холодно или смущённо. Сам Иисус переживал отстранённость матери, искал родительской любви в доме Иоанна, у которого были старые отец и мать – Захарий и Елисавета. С ними он чувствовал внутреннюю связь: «Между этими тремя людьми существовала близость. Они были искренни и естественны друг с другом. У нас в семье всё обстояло иначе» [12, с. 28]. Родители Иоанна были мудрее Марии и Иосифа, с которыми Иисусу было одиноко. Иосиф был молчаливым и слабым человеком, Мария была умнее его, но никогда не высказывала своего мнения. При изображении «святого семейства» Тунстрём уходит от сакрализации, показывая бедную крестьянскую пару, в жизни которой нет места воображению, духовной связи с природой, как нет и гнозиса, божественного знания, которое придало бы их жизни иной смысл, объяснило причины избранности. Тунстрём снижает мистическую составляющую происходящих событий и оставляет нерешённым вопрос, точно ли Христос – сын Бога-Отца. В романе Иисус обладает чертами интеллигента-созерцателя, склонного к поэтическому восприятию мира. О поэтическом чувстве Христа говорит стиль его рассказа о себе, концентрация на внутреннем мире, эмоциях, а не на рациональных теософских идеях. Почти каждый писатель, обращавшийся к его образу, стремился показать Иисуса героем *своего* времени: революционером, рок-музыкантом, оппозиционером, диссидентом – тем, кем должен был быть, с точки зрения автора, лучший человек этой эпохи.

У Тунстрёма Христос переживает мир как Единение, где всё взаимосвязано: события, люди, морские волны, трава, растущая в пустыне. В его поэтическом мировосприятии есть отголоски космологической поэзии У. Уитмена, который воспринимал явления жизни в неразрывном единстве. Христос в романе тоже видит гармонию в сочетании высокого и низкого, физического и духовного. Ему нравится запах ел

и вкус испечённых Марией лепёшек. Он любит чинить морские сети или наблюдать за изгибом тела красивой женщины. Но он чувствует и недостаточность красоты физического мира, поэтому видит звёзды, серебристых рыбок в глубоком колодце, в которых никто не верит, любит одиночество и ищет пространство, где мог бы обрести большую связь с божественным. На протяжении всего повествования Иисус воспринимает Бога-Отца как обычный верующий. Обо всём, что происходит, он говорит: «Так распорядился Господь» [12, с. 6]. «Я видел волны, лениво набегающие на берег. Видел горы со снежными вершинами, сверкающими на фоне ясного неба, видел хлебные поля с полновесными, тучными колосьями. Я видел мир и знал, что всё это – творение Господа, даже горбатый из Трира или безногий из окрестностей Иерусалима. Я видел десницу Божию в траве и в глазу коршуна» [12, с. 8]. Но он ни разу не почувствовал себя его Сыном. Он говорит о том, что мир ждёт его, но он не видит в себе черт Мессии.

В романе Тунстрёма звучит мысль о том, что путь человека к Богу – это в действительности поиск себя: «Я воображал, что брожу среди извилин и потаённых уголков других людей, хотя на самом деле шёл к обретению собственного лица» [12, с. 8]. Бог для него, как и его призвание, – это Истина, которую он хотел бы понять, чтобы найти «центр» собственной жизни: он «хотел сократить мир до пяточка и объять его целиком» [12, с. 8]. Сходную мысль выскажет и П. Корнель, автор романа «Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи». В нём герои тоже будут искать центр мира, духовный рай, а найдут его в самих себе³. Такие подходы к изображению сакральных событий говорят о том, что начиная с 1960-х годов религиозная тема лишается своего мистического содержания. Евангельские истории становятся моделью жизни современного человека, не знающего, как обрести личную идентичность⁴. Об этом говорит и логика романа Ё. Тунстрёма. Его Иисус – простой мальчик, задающий вопросы, размышляющий, мечтающий. Но Истина не открывается ему: «Ночь напролёт я стучусь в тонкую перегородку, отделяющую меня от божественного. С той стороны вроде бы доносится ответ, но стоит мне прекратить стук, как там тоже воцаряется тишина» [12, с. 5]. Кроме Иоанна, никто не видит в нём Спасителя, и сам он чувствует в себе слишком много страхов, чтобы поверить будущему Крестителю.

Автор перемещает Христа из дома Иосифа сначала в дом Захарии, затем в монастырь, где он вызывает ненависть монахов, не любящих тех, кто много спрашивает и во всём сомневает-

ся. Там он знакомится с зилотом Товией, готовящим бунт против римских легионеров. Ю.М. Лотман писал, что «всякое перемещение в географическом пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении», и средневековый человек рассматривал географическое путешествие как перемещение по «карте» религиозно-моральных систем [13, с. 239–240]. Путешествие Христа вместе с Товией носит характер духовной инициации. Товия посвящает его в план спасения узников из тюрьмы, беседует о необходимости насилия как защиты. Иисус чувствует справедливость гнева Товии, но понимает, что не сможет убивать. Концепция его образа типологически связана с образом Юнатана Львиное Сердце из повести А. Линдгрена, который также стремился избежать насилия. Христос постоянно рефлексировал над этим, понимая, что многие не способны на насилие не из нравственного чувства, а по причине страха перед собственной смертью. Он вспоминает рассказ Иосифа о гибели города Сепфорис. Никто из иудеев Назарета не помог своим соотечественникам в сражении с римлянами, народ в страхе смотрел через ограду, как гонят пленных. Христос, оказавшийся на дороге рядом с угоняемыми жителями города, мог попасть в число погибших, но безумный пастух Гамаль, которого никто не считал за человека, бросился и спас ребёнка. За свой поступок он получил удар копьём в спину и погиб. Его тело так и осталось лежать на дороге, так как иудеи из страха ничего не предприняли. В романе отчётливо от главы к главе начинается проступать тема многих произведений шведской литературы, независимо от жанров, течений и направлений, – вопрос о действии и бездействии, о силе и слабости, о праве на убийство во имя благой цели и этической границе, которую нельзя переступать [14]. Христос, наряду с Товией и Иосифом, видит разницу между двумя дорогами: ответным насилием и вынужденным смирением. Он в отчаянии кричит, что «обязательно должен быть третий путь! Средний между действием и бездействием. Он существует...» [12, с. 146].

Нет сомнения в том, что Ёран Тунстрём писал об этом, имея в виду исторический путь Швеции. Автор создаёт достаточно прямые аллюзии на события Второй мировой войны, в которой путь шведского нейтралитета стал фактически принципом бездействия. В романе «Рождественская оратория» герои Тунстрёма рассуждают о том, что шведы отказались воевать, «но пропускали немцев через свою территорию» [15, с. 362], чем дали повод критиковать избранный политический курс.

Христу в его романе тоже приходится выбирать, и он не обладает силой, чтобы пожертвовать собой ради других. Ему снится сон, в котором он на корабле спускается в трюм к арестантам, даёт им надежду, а затем предаёт их чувства, так как отказывается сойти вместо них на берег, кишущий змеями. Христос стыдится своей слабости, но продолжает взирать на смерть других со стороны. После отказа пожертвовать собой он говорит: «Наконец-то я стал человеком. Наконец-то почувствовал, как это тяжело» [12, с. 166]. В нескольких случаях Иисус у Тунстрёма «цитирует» Достоевского: «Я был слабый, дрожащий тварью» [12, с. 170]. Конфликт в романе переходит в сферу чистого этического выбора. Чтобы осуществить миссию, нужно стать человеком действия, быть способным на насилие. Но истинный Христос не переступал через допустимые границы (не случайно Евангелия детства содержат выровненные варианты его поведения в гневе). Значит, третий путь – бороться со злом учением, словами, но быть готовым пожертвовать собой, а не другими. В романе рассказ обрывается на первом чуде исцеления Есфири, где Христу не пришлось жертвовать собой. Читатель так и не узнает, насколько сильным он стал в конце пути.

Скептически Христос оценивает в романе и возможность обретения людьми свободы: «Бесчеловечно навязывать людям бремя свободы, ведь она требует невероятной ответственности. Свобода – это преобразования и развитие, это неустанный труд ради изменения нашей жизни, наших привычек, наших взглядов. Она показала бы нам вещи в новом свете. Смогли бы мы выдержать такое? И разве кто-нибудь видел эту свободу? Полную свободу, которая складывается из отдельных, частных свобод? Призывать к свободе значило глумиться над низшим в человеке» [12, с. 172–173]. Влияние идей Достоевского, в том числе «Легенды о великом инквизиторе», становится в тексте всё более очевидным [16]. Но у шведского Христа, изображённого Тунстрёмом, есть чувство стыда за низкие поступки человека, оно ведёт Иисуса к самосовершенствованию. По логике автора, это тот путь, который делает героя самим собой. Иоанн говорит Христу: «Я знаю, зачем ты пришёл. Хочешь поговорить, что ты недостойн. Что не годишься в Мессии. Что ты обычный человек и окончательно в этом убедился. Что ты с удовольствием живёшь в условиях, навязанных другими, пусть даже тебя загоняют в пустыню или на городскую свалку. Ты внушил себе, что я напрасно соблазнял тебя мыслями об избранничестве» [12, с. 182]. И в этот момент Христос, не только осознавший свои пороки, но и услы-

шавший критику, стал сильнее: «В эту самую минуту и на этом самом месте я вдруг почувствовал, что могу сказать ему: да, ты был прав, и мне придётся взять на себя эту ношу» [12, с. 182]. И далее звучат, пожалуй, главные слова романа: «Не обязательно становиться Мессией» [12, с. 182–183]. Чтобы стать Спасителем, достаточно стать Человеком. Финал романа усиливает эту мысль. Христос, осознавший своё ничтожество, не считающий себя избранным, всё же слышит глас с небес: «Ты Сын Мой Возлюбленный, в котором моё благоволение» [12, с. 252]. Но его озарение имеет другую, не сверхъестественную природу. Он гладит по лицу слепую Есфирь, интересуется её именем. О Чуде преображения, которое следует за этим, сказано: «Если это было Чудо, такие чудеса могли бы творить многие. Просто в мире недостаёт любви, говорю я» [12, с. 253]. Сверхъестественным поступкам Иисуса из канонического Евангелия Ё. Тунстрём противопоставляет чудо простой любви к человеку.

Эволюция Христа, чья история рассматривается начиная с детских лет, даёт определять роман не только как художественное Евангелие, но и как роман воспитания. Его структура напоминает выявленный С.Н. Бройтманом трёхчастный «сюжет становления» [17], который можно назвать «интуитивным, духовным и духовно-практическим» [18]. У Тунстрёма пространство интуитивного этапа является относительно замкнутым, ограниченными домами Иосифа и Захарии, события в нём реалистичны. Пространство духовного этапа расширяется, вмещает в себя большое число людей, содержит открытые антитезы добра и зла. События приобретают характер исключительных, сконцентрированных во времени, «экспериментальных». На третьем, духовно-практическом этапе связь событий с реалистическими мотивировками теряется, «внутреннее путешествие» героя приводит его к осознанию своего предназначения, он оказывается способен на сверхъестественные деяния. Фабульный план в финале становится квазиреалистическим. Путь Христа становится примером познания человеком своей природы и скрытых духовных возможностей.

Итогом размышлений писателя становится убежденность в том, что не нужно стремиться к избранничеству, совершать насилия, способствовать злу. Необходимо любить людей⁵, уметь их слышать, давать им возможность совершенствоваться. Вполне справедливы слова одного из шведских исследователей – А. Тюрберга – о том, что герои в романах писателя движутся от потери к обретению себя [19, с. 143]. Другой шведский критик – Г.У. Фридлунд, привыкший

к интертекстуальным играм конца XX века, даже высказал удивление, что Тунстрём не создал в романе «ни религиозных, ни философских спекуляций вокруг Христа», что Иисус как герой оказался среди многих «почтенных ординарных героев, разумных и приличных» [20, с. 140]. Действительно, герои Тунстрёма, как и персонажи других романов с компенсаторно-терапевтической функцией, «последовательно перемещаются из отрицательного в переходное, а затем в положительное пространство»⁶, что способствует нарастанию чувства уверенности в изначальной разумности и гармоничности мира. Очевидно, утверждение оптимистической идеи эволюции человека было для автора важнее литературных провокаций.

В заключение вернёмся ещё раз к жанровым особенностям романа. Поскольку Ф.М. Достоевский оказал на шведских писателей огромное влияние, вспомним дискуссию между Б. Энгельгардтом и М. Бахтиным, размышляющими над тем, чем является «Преступление и наказание»: «романом с идеей» по типу образцов XVIII века или «романом об идее» в духе XIX столетия [21, с. 320]. В случае с художественной версией Евангелия «Послание из пустыни» можно сказать, что Ё. Тунстрём создаёт «роман с идеей», целенаправленно проводя *своё* учение и оставаясь, таким образом, приверженцем нравоучительной просветительской прозы.

Примечания

1. Роман Ё. Тунстрёма «Рождественская оратория» занял 10-е место из 100 лучших шведских произведений. См.: Svenska folkets bästa böcker. Red. J. Nilsson, U. Nyren. Linköping: Diagonal Förlag, 1997. 130 s.

2. До Ё. Тунстрёма о пребывании Иисуса в пустыне в Швеции был написан роман Евы Александерсон, которая, как Тунстрём, использовала форму «я» повествования. См.: Aleksanderson E. Fyrtio dagar i öknén. Stockholm: Bonner, 1964. 278 s. О романе см.: Wikström O. «Jag» i Fyrtio dagar i öknén / De ofrånkomliga orden. Religionspsykologiska studier i modern svensk skönlitteratur. Stockholm, 1982. S. 142–167.

3. Одна из статей об известном романе Ё. Тунстрёма «Рождественская оратория» называется почти так же, как роман П. Корнеля: «Поиски центра». См.: Johansson E. Centrum sökes. En analys av Göran Tunströms roman «Juloratoriet» som Livsberättelse // Modernitetens ansikten. Livsåskådningar i nordisk 1900-talslitteratur / Red. C.R. Bråkenhielm, T. Pettersson. Falun, 2001. S. 181–199.

4. С середины 1960-х годов в Швеции появляются сборники, посвящённые религиозной символике, мифу и языку религиозной художественной литературы: Hof H. Myt och symbol. Stockholm: AB Tryckmans, 1967. 220 s.; Edsman C.-M. Myt. Saga. Legend. Stockholm: Sveriges Radio förlag, 1968. 158 s.; Evighetens ansikte. Essäer kring symbol och myt i

konst, litteratur och religion / Red. O. Wikström. Uppsala-Malmö: Bokförlaget Åsak, Sahlin & Dahlström AB, 1990. 181 s.

5. Любовь часто называют главной темой романов и поэтических сборников Ё. Тунстрёма. См.: Blomqvist A., Blomqvist L.E. Tunström Göran // *Vem är vem i svensk litteratur. Författarlexikon från A till Ö*. Stockholm, 1999. S. 226–228.

6. Подобная структура О.Ю. Ольшванг рассматривалась на примере коммерчески успешных романов Р. Баха.

Список литературы

1. Tunström G. *Ökenbrevet*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1978. 219 s.

2. Евангелие [Электронный ресурс] // Библейская энциклопедия. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. 768 с. Режим доступа: <https://slovari.yandex.ru>

3. Пономарёв А.В., свящ. Андрей Рахновский, прот. Леонид Грилихес, свящ. Димитрий Юревич, иером. Николай (Сахаров), архим. Ианнуарий (Ивлиев). *Евангелие // Православная энциклопедия*. М.: Православная энциклопедия, 2007. Т. XVI. 752 с.

4. Евангелие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Евангелие>

5. Евангелие детства от Фомы [Электронный ресурс] // Русская апокрифическая студия. Режим доступа: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/ev-fom.shtml>

6. Евангелие Псевдо-Матфея [Электронный ресурс] // Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых / Сост. И.С. Свенцицкая, А.П. Скогорев. М.: Когелет, 1999. Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/01/joseph/apok_35.html

7. Арабское Евангелие детства Спасителя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Arab_Evang.php

8. Лопухин А.П. Апокрифы [Электронный ресурс] // Православная богословская энциклопедия. СПб.: Издание Петроград. Приложение к духовному журналу «Странник», 1904. Т. 5. Режим доступа: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaja-bogoslavskaja-jenciklopedija/tom-1/apokrify.html>

9. Евангелие как предмет литературы. Мнения писателей, критиков и священников [Электронный ресурс] // Фома. 2008. № 2 (58). Режим доступа: <http://foma.ru/evangelie-kak-predmet-literaturyi.html>

10. Роднянская И. «Вечно новая» Книга: стимулы к пересочинению [Электронный ресурс] // Фома. 2008. № 2 (58). Режим доступа: <http://foma.ru/evangelie-kak-predmet-literaturyi.html>

11. Молчанова Л. Образ Христа в русской литературе. М.: Старое и новое, 2013. 270 с.

12. Тунстрём Ё. Послание из пустыни / Пер. с швед. Т. Доброницкой. М.: Текст, 2004. 238 с.

13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

14. Сухих О.С. Два философских диалога («Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского и «Пирамида» Л.М. Леонова) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 321–328.

15. Тунстрём Ё. Рождественская оратория / Пер. с швед. Н. Фёдоровой. М.: Текст, 2003. 429 с.

16. Сухих О.С. Великий инквизитор конца XX века (традиции Ф.М. Достоевского в повести Л.И. Бородина «Ловушка для Адама») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 2 (1). С. 263–268.

17. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001. 320 с.

18. Ольшванг О.Ю. Сюжетно-пространственная и рецептивная структура романов-притч Р. Баха: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chelovek-nauka.com/syuzhetno-prostranstvennaya-i-retseptivnaya-struktura-romanov-pritch-r-baha>

19. Tyrberg A. Anrop och ansvar. Berättarkonst och etik hos Lars Ahlin, Göran Tunström, Birgitta Trotzig, Torgny Lindgren. Stockholm: Carlssons, 2002. 395 s.

20. Fridlund G.-O. Göran Tunström // Svenska samtidsförfattare. V. 1. Lund, 1997. S. 137–147.

21. Богданова О.А. Идеологический роман // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М., 2009. С. 281–323.

NOVEL-GOSPEL «THE LETTER FROM THE WILDERNESS» BY GÖRAN TUNSTROM

D.V. Koblenkova

The article explores the Swedish religious and ethical novel «The Letter from the Wilderness» by Goran Tunstrom which is composed as a novel-Gospel and describes Jesus Christ's childhood. The author deviates from the canonic description of Christ's divine nature and focuses on his human essence. The mystical aspect of the novel is overpowered by the psychological reflection and the author envisions the «miracle» of simple love to be the purpose of a human. We conclude that the Swedish writer perceives God as something that is not outside of a human, but rather exists within and the search for God is just a way for humans to find themselves. The main challenge that Christ has to overcome is inaction, which in the context of Swedish society can be interpreted as an ethical compromise as Sweden chose the policy of neutrality during World War II.

Keywords: Swedish novel, ethics, novel-Gospel, personal becoming, search for God, desacralization, policy of neutrality.

References

1. Tunström G. Ökenbrevet. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1978. 219 s.
2. Evangelie [Elektronnyj resurs] // Biblejskaya ehnciklopediya. M.: LOKID-PRESS, 2005. 768 s. Rezhim dostupa: <https://slovari.yandex.ru>
3. Ponomaryov A.V., svyashch. Andrej Rahnovskij, prot. Leonid Grilihes, svyashch. Dimitrij Yurevich, ierom. Nikolaj (Saharov), Arhim. Iannuarij (Ivliev). Evangelie // Pravoslavnaya ehnciklopediya. M.: Pravoslavnaya ehnciklopediya, 2007. T. XVI. 752 s.
4. Evangelie. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Evangelie>
5. Evangelie detstva ot Fomy [Elektronnyj resurs] // Russkaya apokrificheskaya studiya. Rezhim dostupa: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/ev-fom.shtml>
6. Evangelie Psevdo-Matfeya [Elektronnyj resurs] // Apokrificheskie skazaniya ob Iisuse, Svyatom Semejstve i Svidetelyah Hristovyh / Sost. I.S. Svencickaya, A.P. Skogorev. M.: Kogelet, 1999. Rezhim dostupa: http://www.krotov.info/acts/01/joseph/apok_35.html
7. Arabskoe Evangelie detstva Spasitelya [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Arab_Evang.php
8. Lopuhin A.P. Apokriфы [Elektronnyj resurs] // Pravoslavnaya bogoslovskaya ehnciklopediya. SPb.: Izdanie Petrograd. Prilozhenie k duhovnomu zhurnalu «Strannik», 1904. T. 5. Rezhim dostupa: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaja-bo-goslovskaja-jenciklopedija/tom-1/apokriфы.html>
9. Evangelie kak predmet literatury. Mneniya pisatelej, kritikov i svyashchennikov [Elektronnyj resurs] // Foma. 2008. № 2 (58). Rezhim dostupa: <http://foma.ru/evangelie-kak-predmet-literaturyi.html>
10. Rodnyanskaya I. «Vechno novaya» Kniga: stimuly k peresochineniyu [Elektronnyj resurs] // Foma. 2008. № 2 (58). Rezhim dostupa: <http://foma.ru/evangelie-kak-predmet-literaturyi.html>
11. Molchanova L. Obraz Hrista v russkoj literature. M.: Staroe i novoe, 2013. 270 s.
12. Tunstryom Yo. Poslanie iz pustyni / Per. s shved. T. Dobronickoj. M.: Tekst, 2004. 238 s.
13. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
14. Suhij O.S. Dva filosofskih dialoga («Legenda o velikom inkvizitore» F.M. Dostoevskogo i «Piramida» L.M. Leonova) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 6 (1). S. 321–328.
15. Tunstryom Yo. Rozhdestvenskaya oratoriya / Per. s shved. N. Fyodorovoj. M.: Tekst, 2003. 429 s.
16. Suhij O.S. Velikij inkvizitor konca XX veka (tradicii F.M. Dostoevskogo v povesti L.I. Borodina «Lovushka dlya Adama») // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 2 (1). S. 263–268.
17. Brojtman S.N. Istoricheskaya poehtika. M.: RGGU, 2001. 320 s.
18. Ol'shvang O.Yu. Syuzhetno-prostranstvennaya i receptivnaya struktura romanov-pritch R. Baha: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2009. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://chelovek-nauka.com/syuzhetno-prostranstvennaya-i-retseptivnaya-struktura-romanov-pritch-r-baha>
19. Tyrberg A. Anrop och ansvar. Berättarkonst och etik hos Lars Ahlin, Göran Tunström, Birgitta Trotzig, Torgny Lindgren. Stockholm: Carlssons, 2002. 395 s.
20. Fridlund G.-O. Göran Tunström // Svenska samtidsförfattare. V. 1. Lund, 1997. S. 137–147.
21. Bogdanova O.A. Ideologicheskij roman // Poehatika russkoj literatury konca XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obschchie problemy. Proza. M., 2009. S. 281–323.